

Ахияр и Алла

В КОНЮШНЕ пахло свежескошенным сеном и конским каштаном. Ахияр полной грудью вдохнул парной, терпкий воздух и на душе его сделалось тепло и радостно. Признав хозяина, зафыркала в стойле лошадь. Ахияр запустил заскорузлые пальцы в густую гриву её, погладил и неожиданно рассмеялся. Алла (такое странное имя носила кобыла), кажется, понимала его радость и в знак любви и преданности прикоснулась мягкими, влажными губами к небритой щеке хозяина.

Ахияр заглянул в большие, умные глаза Аллы, их взгляды встретились. Мужчина почувствовал в груди какой-то необъяснимый прилив нежности. Теперь, наверное, во всём мире для него не существовало другого, более дорогого и понимающего друга, чем эта кобыла...

Не только в Тиресле, родном селе Ахияра, – везде, где обитают татары-мишари, исконно бытует особое отношение к лошадям. (К слову, название села Тиресле произошло не от слова «тирес» – «навоз», коим удобряют землю, а от обидного прозвища «упёртый», прилепившегося к местному населению за крайне неуступчивый и упрямый нрав.) В тридцатые годы, когда сельчан насильно загоняли в колхозы, с виду су-

ровые, как мордва, и упрямые, как чувашаи, тиреслинские мужчины навзрыд плакали, расставаясь со своими гнедыми и пегими кобылами, резвыми рысачами и терпеливыми тяжеловозами, в которых они души не чаяли. Вынужденные своими руками отдавать на общее пользование ещё и сбрую с упряжью, отличавшуюся богатым убранством и особым щегольством, они убивались с горя. Джигит без коня, что птица без крыла! Тогда многие, разочаровавшись в новой власти, махнули рукой и разбрелись на все четыре стороны. Большинство вроде бы направилось в сторону Москвы, а уж там кто устроился дворником, кто – грузчиком на вокзале... Бывшие земледельцы и скотоводы не чурались никакой черновой работы. Впрочем, вряд ли у них был иной выбор. В России любой тяжёлый труд существовал, будто только для татар. Их с удовольствием брали в лашманы, шахтёры, грузчики, бурлаки, камнетёсы...

В Тиресле издавна, как во всех настоящих мишарских селениях, держали коней на забой (на зиму каждая семья запасалась кониной). Однако по мере того, как крепла советская власть и всё большим числом налогов облагалось население, когда следовало платить даже за яблони, сельчане по-

трав. Понятное дело, на добром выпасе твои лошади! Жизнь, значит, удалась, и душа мишарина в ладу с самим собой.

Ахияр тоже вернулся с шабашки со своей лошастью. В селе Урда на пермской земле (там строил коровник) он долго выбирал лошадь и не ошибся. Несмотря на своё необычное имя – Алла, лошадь оказалась на редкость умной, с покладистым нравом. Ахияр весь год терпеливо и любовно возился с ней, приучая к упряжке. Сам смастерил лёгкую и прочную телегу, изготовил дугу, а за сбруёй не поленился съездить в Казань.

75

немногу перестали заготовливать на зиму не только конину, но и баранину. В войну слово «мясо» почти забылось, деревенский люд, как мог, пробавлялся картошкой, лебедой... Со временем забылись и рецепты приготовления знаменитой конской колбасы «казылык» и множества других яств из конины. Позднее, в годы так называемого «застоя», у сельчан дела понемногу пошли на лад, а тиреслинские мужчины, вооружившись пилами и топорами, пошли на шабашку в русские деревни. Они поднимали дома, коровники и свинарники, строили много и неплохо зарабатывали. Глубокой осенью шабашники возвращались домой, ведя под уздцы лошадей. Причём о лошадях договаривались с заказчиком заранее. Настоящий мишарин никогда не брался за дело, если на заработанные деньги не мог купить коня.

Рано или поздно всё возвращается на круги своя. В настоящее время в каждом дворе можно услышать лошадиное ржание. Пацаны, как прежде, выводят лошадей на ночное, разводя на опушках леса яркие костры. Это ли не настоящее счастье, когда слышишь простое конское ржание среди свежих молодых

В деревне Ахияра недолюбливали. Жил он замкнуто, ни с кем не заговаривал, здоровался лишь кивком головы. Заслышав кличку его кобылы, старухи испуганно поплёвывали через плечо, а молодухи удивлённо всплескивали руками и хлопали себя по бокам. («Алла» – в переводе с татарского «Бог». Только ударение на последнем слоге.) Мужики тоже в первое время скалили зубы. Кобылу одарили этим именем ещё там, в Пермской области. Видать, её хозяин был без ума от Аллы Пугачёвой. Хоть кличку кобылы следовало произносить с ударением на первом слоге, да разве татары будут считаться с законами русского языка?

Ахияра не трогали старушечьи пересуды, язык-то у них без костей. Только однажды больно резануло слух, когда местный деревенский придурок Дерми прилюдно, у сельмага сболтнул: «Ахияр свою Аллу возил к жеребцу», делая ударение на последнем слоге. Прозвучало просто кощунственно! Ахияр не терпел богохульства, но на каждый роток не накинешь платок. После этого случая он пробовал дать кобыле другую кличку. Однако лошадь даже не оглядывалась на хозяина, пока её не окликали прежним именем. Верно говорят: домашние животные по характеру весьма похожи на своих хозяев. Вот и Алла в упрямстве не уступала Ахияру.

От лёгкого толчка ногой дверь полутёмной конюшни приоткрылась. Прикрыв глаза от яркого солнечного света, Ахияр вышел во двор и по мягкому ковру из зелёной лапчатки прошёл в дом. Голод напомнил о себе. Усевшись за стол, Ахияр очистил от кожуры увесистую головку лука, посыпал её крупинками соли, положил на ломоть хлеба, с хрустом откусил и с аппетитом стал жевать.

Взгляд его упал на паутину в переднем углу, где отчаянно жужжала муха, пытаясь вырваться из цепкого плена, но чем сильнее она билась, тем больше запутывалась. Ахияр безучастно наблюдал за этой схваткой между жизнью и смертью. Вставая из-за стола,

задел ногой пустые, слабо звякнувшие бутылки.

Он повалился на небубранную постель у печки, чуть взбив засаленную подушку.

С тех пор как от него ушла жена, всё валилось из рук. Впрочем, этого следовало ожидать с самого начала. Подобная история происходила не с ним одним. Трудоспособные мужчины села Тиресле большую часть года работали на стороне, попросту говоря, нанимались строителями в русских деревнях. Некоторые сходились там с одинокими женщинами и жили по-семейному. А потом появлялись дети. Но мужчины не забывали о своей прежней семье. Ежемесячно посылали домой денежные переводы, навещали домочадцев, когда надо было сажать или убирать картошку. Да и зиму они проводили под боком своей благоверной. А русская жена где-то на стороне вроде бы и в счёт не шла. Случалось, что молодые неженатые парни сходились да потом так и не расставались с якобы временными жёнами. На поверку выходило, что в их числе оказывались самые видные, рослые и красивые джигиты села.

Ахияр тоже сошёлся с одной в деревне Урда – медсестрой по имени Валя. Ах, до чего же жарки объятия русской женщины! Ахияр как в омут головой окунулся. Бывало, в пять утра, идя на работу, расшибал спросонок лоб о встречные столбы.

– Давай поженимся, – однажды предложила Валентина. – Бросишь эту чёртову шабашку, уйдёшь из бригады, вон и Пётр Степанович обещает посадить тебя за баранку. Погляди на себя – кожа да кости! Разве нормальный человек должен так жилы рвать... Поженимся – заживём по-человечески.

К тому времени Ахияр уже похоронил родителей, так что никто осуждающе не ворчал по поводу русской невестки, да и в родном селе не было зазнобушки, ждущей его возвращения. На предложение Валентины он ответил согласием, хотя сильного душевного влечения к ней не испытывал.

– Но жить поедем к нам, – выдвинул он своё условие. – Не брошу отчий дом, там у меня такие хоромы!..

– Поедем, поедем, – поспешила успокоить его Валя. – Коль мы любим друг друга, нам везде будет хорошо.

Ахияр тогда обрадовался тому, что она не перечит его словам. Крепко обнял её пышное тело и долго лежал, вдыхая терпкий запах женской плоти.

Свадьбу справили шумную и многолюдную. «Пускай кумушки не судачат по углам, почему, дескать, в мужья выбрала татарина, вот и погуляем от души», – твёрдо заявила Валя. На свадьбу пришёл и Пётр Степанович. Как самого дорогого гостя усадили его во главе стола. Он же произнёс и первый тост, очень хвалил Валю, не позабыл отметить и Ахияра: «Такие парни, как Саша, нам очень нужны. Пусть детишек будет полон дом, а для колхоза подрастёт новая рабочая смена». В довершение своих добрых пожеланий от имени колхоза подарил молодожёнам двух розовых поросят.

Хотя и договаривались обосноваться в родном селе Ахияра, но быстро тронуться с насиженного места не удалось. Да и чем там заняться? Постоянной работы никакой, за подённый труд же платили сущие копейки. «Вот подкопим деньжат, тогда и поедем, – решил Ахияр про себя. – С деньгами везде проживёшь».

После свадьбы он не вернулся в свою бригаду, устроился шофёром в колхозе. Зарплата приличная, к тому же кое-что «прилипало» ко дну кузова. А потом у них родился мальчик. Ахияр хотел назвать сына Тимуром, но Валя ни за что не соглашалась. Она не дала ему и рта раскрыть и предложила сама: «Назовём сына Петром! В честь Петра Степановича... Да и председателю будет приятно, авось, согласится стать его крёстным. Надо уметь жить, Саша...» Ахияр смолчал, почти привыкший к тому, что последнее слово Валя всегда оставляла за собой. Хотя, по его мысли, имя Тимур должно было устроить их обоих – мало ли татар и русских нынче нарекают детей этим именем... «Вот

вернёмся домой, там и переименую, – успокаивал он себя. – Тогда и Валя не станет артачиться».

Маленький Петя уже как чертёнок носился по дому, а Валя ни разу не говорила об отъезде. Мало того, она затеяла покупку нового дома, только что построенного односельчанами Урды. Вся в хлопотах и заботах, Валя каждый день бегала к Петру Степановичу... В последнее время с крёстным Пети они стали такими друзьями, ну просто не разлей вода, о чём-то шептались, договаривались. Председатель теперь и сам частенько навещался к ним, прихватив крестнику в подарок то рубашку, то штанишки. Против такой заботы и слова поперёк не скажешь, и Ахияр не стал возражать, когда сына крестили. Он вообще не обращал внимания на такие пустяки. Как говорится, если к приходу мужа обед готов, чего ещё желать.

Так он думал... Но со временем привычка Вали делать всё по-своему, вопреки мнению мужа, начала его раздражать. А раздражение, годами копившееся, постепенно превращалось в обзлённость. Всё чаще вспоминал Ахияр слова покойной матери: «Уж лучше в полымя войти, чем в примаки пойти».

Теперь он редко виделся с односельчанами, работавшими в Урде. Это тоже исподволь бередило душу. Однажды Ахияр решил навестить их. В выходной день он прихватил с собой тряпичный мешок с двумя «белоголовками» и направился к землякам. Встретили его радушно. От души посидели тогда, а Ахияр вдоволь наговорился на родном языке. Слегка захмелевший старик Али – белая кость в бригаде, который не брался за грубую плотницкую работу, а делал только рамы и двери, – негромко, дрожащим голосом затянул народную песню:

Отпустил коня я в поле,
Чтоб зелёну-травку рвать;
Сам помру, но песнь оставлю
Твою душу колебать...

Глаза Ахияра увлажнились, из горла вырвался сдавленный вскрик... Вот по-

мрёт он, а после него и слова не останется. Даже имени... В Урде все кличут его Сашей.

– Пётр Степанович что-то зачистил к вам, – повернулся к нему бригадир Рафаким. – Видно, нашёл общий язык с твоей Валею...

Ахияр смотрел на бригадира, на лице которого блуждала ухмылка, и ждал продолжения разговора. Однако Рафаким, кажется, не собирался попусту ляссы точить, он коротко взглянул на часы:

– Пора на боковую, завтра по календарю русского праздника нету...

Слова Рафакима показались Ахияру обидными, он помрачнел и тоже засобирался домой.

– Где ты мотаешься?! – зло пробурчала жена, но тут же осеклась, встретив свирепый взгляд мужа. Валентина была умной женщиной и точно знала, когда можно брать лаской, а когда таской, то есть накатом. Ещё неизвестно ведь, чего ждать от этого молчуна-татарина, если ненароком наступить на его большую мозоль...

– Всё, едем в мою родную деревню! – грубо отрезал Ахияр.

– Ладно, ладно, – поспешила согласиться жена. Ничего, авось наутро встанет и как миленький пойдёт на работу, подумалось ей. Но утром Ахияр встал, выпил полный ковш холодной воды, а потом вернулся и опять лёг. Валя оцепенела, заметив его перекошенное от злости лицо.

– Баста! – рыкнул муж. – На работу больше ни ногой, надо собираться, едем...

Жена пыталась отговорить его: плакала, умоляла, скандалила, но безрезультатно. Ахияр твёрдо стоял на своём.

Упрямый мишарин потихоньку стал собираться в путь. Вечером его вызвали в правление – к Петру Степановичу.

– Кум, да ты, оказывается, надумал бросить нас, – завёл разговор председатель. – Подумай всё-таки хорошенько, взвесь. У вас ведь там безработица, сам посуди, ваши мужики сюда едут,

чтоб подзаработать. И чего не хватает? Живёшь тут, понимаешь, как у Христа за пазухой. Хочешь, завтра же снабженцем назначу? По разным командировкам будешь ездить, мир повидаешь...

Однако Ахияр недаром слыл тиреслинским парнем. У них уж если что втемяшится – не переубедишь. Дошло это и до кума. Поморщившись, он махнул рукой и в сердцах бросил: «Дурак!» Мол, сколько волка ни корми...

Деваться некуда, пришлось Валентине смириться и последовать за мужем. Погрузив домашний скарб и нехитрые пожитки в председательскую машину, двинулись в городок Верещагино – на железнодорожную станцию. А оттуда тряские вагоны соликамского поезда, постанывая, тронулись в путь и покатали в родную сторону.

Валя никак не могла свыкнуться с укладом жизни татарской деревни. Любопытные соседки, поначалу наперебой рвавшиеся к ним, чтобы посудачить с русской снохой на её языке, постепенно перестали бывать в доме Ахияра. Сама Валя держалась с ними как бы свысока, а соседки со своим скудным запасом слов русского языка, порядком позабытого после школы, не могли свободно, от души разговориться. Русскую сноху пробовали вывести в поле на прореживание свеклы, а потом окучивать картофель, но она с заносчивой улыбкой заявила: «Я ведь не колхозница. Я – медсестра!» Ахияр лишь растерянно разводил руками, а в сельском медпункте свободных мест не было.

Однажды, вернувшись с работы, Ахияр застал жену у дверей с чемоданом в руке и с одетым в дорогу маленьким сынишкой.

– Ты как хочешь, но мы тут больше не можем, – запричитала жена. – Сколько я уговаривала уехать... Бесполезно!

И в самом деле, она ведь ночи напролёт только и делала, что уговорила уехать, а он только сопел и молчал. Хотя, честно говоря, мужское ухо только ночью и слышит по-настоящему...

Ахияр сам проводил их до Канаша. Старенький автобус, чихая и кашляя, с

натурным рёвом двигался по просёлку. Валя, уставшая уговаривать и убеждать мужа, утомлённо прислонилась к окну. Мелькавшие за окном кудрявые лесные опушки, яркий безоблачный день не радовали её. Всё же, садясь в вагон, она ещё раз обернулась к нему: «Поедем с нами». Ахияр лишь молча отвернулся.

– Ну и живи среди своих... этих!.. – в отчаянии бросила женщина. – Чучмек неблагодарный!

На Ахияра будто ушат помоев вылили. Не ожидавший такого поворота, он, поёживаясь от холода, медленно побрёл на автобусную остановку. На выходе с вокзала обернулся: из окна вагона протягивал тонкие ручонки его сынок Петя и писклявым голосом кричал: «Папа! Папа!»

Вот теперь эта картина мучила его во сне. Валю он тоже часто вспоминал. Все эти оскорбительные ругательства она выкрикнула не со зла, а от обиды. Если бы не любила, разве поехала бы за ним?.. И верно ведь, какого рожна притащились сюда? Дескать, родина, хоть и уродина. Кому он тут нужен?

Ахияр встал с постели, подошёл к окну, вытащил из кармана мятую пачку папирос. Но папирос там не было.

Денег тоже...

Ахияр решил вновь податься на чужбину. Нужны деньги. Хотя внутри всё сопротивлялось, но делать нечего – он надумал продать свою кобылу. Но никто из односельчан не хотел покупать её. Даже отъявленный вор и пьяница Атай лишь рукой махнул: упаси Аллах иметь лошадь с такой кличкой, нет, подалеже от греха.

У Ахияра рука не поднялась пустить её под нож. Да и кто из деревенских купил бы у него это мясо?

В соседней чувашской деревне тоже шансов мало продать, чуваша равнодушны к лошадям, конину и за мясо не считают.

Оставить бы кобылу в селе, доверить кому-нибудь надёжному... Кто знает, может, вернётся ещё... Потом забрал бы, выкупил.

Кто-то подошёл к воротам. Этого человека Ахияр раньше никогда не видел. Тот заметил хозяина, стоящего у окна. Его сытая физиономия расплылась в улыбке, и он даже изобразил приветственный жест.

Ахияр вышел навстречу.

– Это ты продаёшь лошадь? – бесцеремонно спросил незнакомец, обменявшись рукопожатиями.

– А ты кто будешь?

– Из Шыгырдана я. Если продашь, тотчас же увезу лошадь с собой. – Ахияр знал, что шыгырданские соседи исконно промышляют заготовкой и сбытом мяса, собирают по окрестным сёлам животных на убой, а мясо возят на казанский рынок.

– Кобылу-то кличут Алла, – вымолвил Ахияр, словно бы надеясь на что-то и желая как-то оттянуть решающую минуту.

– Ха, нам один чёрт, как её кличут, – самодовольно усмехнулся шыгырданский покупатель. – Если произвести убой с молитвой, то мясо всё одно будет мусульманским. Ну, назови свою цену. Мы платим по шесть рублей за кило живого веса. Деньги я готов хоть сейчас отстегнуть. – Незнакомец выразительно похлопал по оттопыривавшемуся нагрудному карману.

Ахияр всё так же стоял и смотрел на него отрешённым взглядом.

– Эй, дядя, ты что, язык проглотил?

– Она в стойле, – хрипло ответил.

Расставшись с Аллой, Ахир весь извёлся. Он долго слонялся туда-сюда, а потом сходил в магазин... В полутёмной избе сидел в одиночестве и глушил горькую. Впрочем, не совсем в одиночестве. То ему виделось, как, протягивая ручонки, бежит к нему Петя, а Валя безудержно смеётся, то мерещилась Алла, встряхивающая гривой и фыркающая, а из её больших лиловых глаз беспрерывно текут слёзы.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, он тронулся в Урду. Автобус отправлялся из Шыгырдана. Хотя до него было километра три, он не стал дожидаться попутной машины, а заша-

гал пешком. На автобусной остановке с ноги на ногу переминалось несколько человек. Среди них Ахияр увидел того бойкого покупателя, который вчера ночью забрал у него Аллу. К груди подступила тошнота. Ахияру не хотелось ни здороваться с этим человеком, ни вообще замечать его... Однако тот, широко улыбаясь, сам подошёл, словно к старому знакомому.

– Кобылу-то твою насилу довели, – заговорил он. – Всю дорогу, веришь-нет, оборачивалась и смотрела назад, а сама плачет, бедняжка. Вот ведь как она к тебе прикипела душой.

Ахияру захотелось напоследок ещё раз взглянуть на Аллу, попрощаться с ней.

– Вы, наверно, ещё не успели отдать её на убой, – с надеждой спросил он.

– И в мыслях не было... – Шыгырданский перекупщик рассмеялся, сощутив один глаз. – Жерёбой оказалась она! Я же сосед у Садри-абзый, знаешь его, наверно?

Как не знать! На его родимой стороне не было человека, который не знал бы Садри-абзый. Потому что он был именитым конокрадом, слава о котором докатилась и до Чебоксар. А уж в их краях конокрад это вам не абы кто! Даже среди самих конокрадов Садри-абзый считался о-го-го. Говаривали, будто и с Казанского ипподрома он выкрал ахалтекинца.

– Он сказал, – продолжил разговор перекупщик. – Алла, во-первых, жерёбая, во-вторых, благородных кровей. Ты понял? Скаковой породы!

– Быть того не может! – прошептал Ахияр.

– Отчего же, очень даже может! Знаешь ведь Садри-абзый, он как рентген видит лошадь насквозь! Не чета нам с тобой. Если сказал, значит, так оно и есть.

– Можно хоть разок взглянуть на неё? – Ахияр умоляюще посмотрел на шыгырданского торговца.

– Ты чё? – искренне удивился тот. – Лошадь ещё полностью не оклемалась.

Ты уж не ходи, не морочь ей голову. И самому легче будет.

В родные края пути-дороги привели Ахияра лишь несколько лет спустя. Ему захотелось вернуться туда в окружении шумных домочадцев... Валя, скривив рот, отвернулась и словом не захотела в ответ удостоить. Хотя против поездки с ним Пети возражать не стала. Спасибо и на этом.

Вернулись они в Тиресле поутру, а там вся деревня как растревоженный улей – в соседнем Шыгырдане, оказывается, сабантуй! Теперь попасть в начале лета на сабантуй не так уж сложно. Это только в старину этот праздник устраивали перед посевной. А ныне никому не кажутся странными даже зимние сабантуи.

В такой день как можно усидеть дома?! Взяв сына с собой, Ахияр тоже двинулся в сторону шыгырданского сабантуя. Петя, утомлённый дальней дорогой, тем не менее собрался без капризов и от отца не отставал.

– А что такое сабантуй? – спросил он.

– Сабантуй это... – перевёл дыхание Ахияр. – Это куреш – борьба, это конные скачки...

Конечно же, они напрямик направились на майдан, служивший и ипподромом. По пути Ахияр сказал:

– Сынок, если спросят, как тебя зовут, ты ни в коем случае не говори «Петя», скажи «Тимур».

– Почему? – растерянно спросил мальчик.

– Так будет лучше.

Хотя и не понял, почему так будет лучше, но всё же в знак согласия мальчик кивнул головой. Покладистым он был, послушным мальчиком. В отличие от самого Ахияра – упрямого и несговорчивого.

Бега только начались, народ неистовствовал – орут во всё горло, лихо и звонко свистят. Кони скачут по самому краю майдана. Повеяло лёгким ветерком, пахнуло ароматом конского пота. Ка-а-йф! От такого счастья у Ахияра даже глаза увлажнились.

– Ялкын! Ялкын! – поощрительно орали одни. – Ялкы-ын, обгоняй...

– Йолдыз! Йолдыз! – кричали другие, подбадривая коня-соперника со всадником.

– Гони! Гони!..

– Быстре-е-ей!

Тут началось что-то невообразимое. Легко и плавно бежавший в самом конце тёмно-серый, аккуратных размеров конь вырвался вперёд. До финишной черты оставалось совсем немного. Тут люди на едином дыхании закричали:

– Ахия-яр!

Ахияр, не веря своим ушам, огляделся по сторонам: людское море колыхалось, сидевшие вскакивали с мест, а стоявшие тянулись вверх, готовые взмыть в небеса.

– Ахия-яр!

Поддавшись всеобщему ликованию, своим звонким голосом Петя тоже закричал:

– Ахия-яр!

Он ещё не знал, что и его отца зовут Ахияром.

Народ уже разошёлся, а Ахияр всё ещё стоял на краю майдана, будучи не в силах прийти в себя и даже позабыв снять сына с плеч.

– Видал? – услышал Ахияр за спиной громкий возглас. Он обернулся и увидел шыгырданского соплеменника, который купил у него Аллу. Тот стоял и широко улыбался, а рядом, с головой утопая в нарядных полотенцах с красными вышивками, замер тот самый тёмно-серый конь. – Харо-о-оший скакун получился из того жеребёнка! Я ведь, недолго думая, прозвал его твоим именем. Пусть прославляет! – И, поглаживая жеребца, окликнул его: – Ахияр, поздоровайся со своим тёзкой.

Конь, глядя на Ахияра умными глазами, как-то по-особенному фыркнул.

– Отныне никому первого места не уступим, – заявил шыгырданский татарин. – Это же золото, а не конь!

Восседавший на отцовском плече Петя одной ногой поддел отца под ребро. Ему давно хотелось сойти на землю. Однако тот не обратил на это внимания. Сиплым голосом Ахияр спросил:

– Алла... Алла-то сама жива-здоровая?

– А что с ней сделается?! – хохотнул шыгырданец. – Она теперь на почётной пенсии, отдыхает, как королева...

